

Я сжимала и разжимала кулак, чувствуя, как внутри меня бушует ярость, которую не могла открыто излить. Помолчав еще долгое время, наконец отбросила шахматную фигуру и сошла с лежанки:

— У меня дела. Как-нибудь зайду к тебе.

Не оборачиваясь, направилась к двери. Услышав, как она зовет меня, остановилась — в сердце еще теплилась надежда, что она заберет свои слова обратно. Но услышала лишь:

— Обещанную вещь пришлю завтра.

Я не взглянула на нее, тихо бросила: «Благодарю, А-сао», — и поспешно вышла.

Крупными шагами вернулась в свои покои и, лишь оставшись одна, позволила слезам ручьями хлынуть из глаз. Мысли путались, будто в них клубилась бездна невысказанной тоски, но ум при этом оставался странно ясным.

Я не хотела рожать детей. Неважно, будет ли рядом А-Хуань или нет, — я не хотела рожать ни от Чжэн Бо, ни от какого иного мужчины.

В жизни моей было многое, что я не могла контролировать, но таких вещей становилось все меньше.

Когда-нибудь я стану просто собой — не принцессой Тан, не дочерью или сестрой императора. Ритуалы не смогут мной управлять, матушка не сможет, Ли Жуй не сможет, и даже моя А-Хуань не сумеет подчинить меня полностью.

Примечание автора: Похоже, обновления у меня надолго останутся вечерними..._(:з∠)

Комментарии:

1. О том, насколько холоден отдел жертвоприношений: в «Южных новых записях» говорится, что его называли «ледяным залом» — репутация чистая (что звучало почётно), но власти никакой (оттого и холодно).

2. В эпоху Тан налоги по-прежнему взимались в основном натурой, потому Цаюнь был крайне важен: подати и дары со всех краёв везли в столицу товарами, а перевозочных сил всегда не хватало. В поздний период Тан финансами ведали три уполномоченных: соляной, транспортный и казначейский. Транспортный отвечал именно за переброску товаров, и хотя все трое были скорее должностями, нежели штатными чинами, их причисляли к высшему чиновничьему сословию.

Теперь я хорошо знала своё тело. Укрывшись на ночь несколькими одеялами, я пропотела, а под утро тайком постояла у окна с полчаса, подставившись сквозняку. К рассвету естественным образом разыгрался жар — всего лишь легкая простуда, ничего серьезного. Я хоть и не слишком сведуща в китайской медицине, но, приложив руку к пульсу, поняла: бьётся ровно, не так, как во время приступов сердечной боли. Однако служанки помнили мой прошлогодний приступ и обступили меня в покоях, словно перед лицом грозного врага. Вскоре явился Чжан Вэньчжун с несколькими врачами из Императорской медицинской службы — и стар и млад, да ещё и мужчины с женщинами.

Обычно лекари-мужчины сохраняли дистанцию: даже заходя за занавес, глаза в сторону не отводили. А вот женщины-чиновники были и молоды, и проворны. Войдя за полог, они

осмотрели моё лицо, цвет губ, пальцы, грудь, стопы, затем вышли, о чём-то посоветовались с Чжан Вэньчжун. Служанки помогли мне одеться, после чего поочерёдно ввели мужчин-врачей — те тоже меня осмотрели. Убедившись, что это всего лишь простуда, все облегчённо вздохнули. Ещё немного посоветовались, составили рецепт, собрали придворных и евнухов, дали наставления — шуму стояло часа полтора-два, прежде чем мне наконец позволили отдохнуть.

Я была измотана. Едва все ушли, погрузилась в глубокий сон, а очнулась уже в сумерках. Ждала, что вот-вот кто-нибудь навестит, но ни матушка, ни А-Хуань не появились. На душе стало немного тоскливо. Выпила лекарство, попросила воды и снова уснула. Ночь прошла без сновидений.

К утру я почти поправилась. Собираясь встать, нащупала под пальцами что-то маленькое. Подняла — мешочек «Чэнлу». Работа неидеальная, но аккуратная, стежки частые.

Мешочек был сшит в два слоя: снаружи — ярко-алый, на лицевой стороне вышита ловчая птица с жёлтым клювом и чёрной головой, застывшая в пикирующем броске; внутри — светло-розовый, без узоров, лишь с одной стороны вышит иероглиф «долголетие». В межслойный кармашек был вложен благовонный шарик, на нём — тоже «долголетие».

Подобные безделушки меня не слишком привлекали, но аромат был подобран приятный: основа — стиракс, перемешанный с какими-то травами, отчего возникало знакомое, но не до конца узнаваемое благоухание — похожее на запах А-Хуань, но не совсем.

Я перебирала мешочек в пальцах. Сяньсянь, заметив, что я проснулась, привела служанок помочь мне одеться. Я сунула мешочек в рукав и, протянув пустую ладонь, спросила:

— Кто приходил вчера?

Сяньсянь принялась перечислять родственников:

— Принцесса Цяньцзинь, принцесса Цинхэ, принцесса Цзиянь...

Уже собиралась её прервать, но передумала и, повернув голову, стала слушать внимательно. Матушка лишь прислала справиться о здоровье, сама не пришла. Это немного задело, но было вполне в рамках этикета. Да и врачей, едва они покинули мои покои, сразу вызвали к ней для отчёта; даже моих служанок туда пригласили — вернулись они почти через час. Значит, матушка всё же пристально следила за моим состоянием.

Ли Дань прислал спросить о здоровье и одарил лекарствами и вещами. Не более чем жест, инициированный матушкой, — помимо демонстрации благоволения, никакого смысла.

А-Хуань навестила лично, пробыла чуть меньше принцессы Цяньцзинь, но дольше принцессы Цинхэ — в полном соответствии со своим статусом.

Остальные родственники: кто-то явился сам (четверо-пятеро), кто-то прислал посланников (тоже четверо-пятеро). Я находилась во дворце, болезнь была несерьёзная, вести распространялись небыстро — всё закономерно. Приглядевшись, заметила: те, кто навестил или прислал гонцов, либо сами пребывали во дворце, либо их семьи там находились. Исключение — принцесса Цяньцзинь.

Моя двоюродная бабушка ещё при отце сблизилась с матушкой, а к нам с Ли Жуем относилась весьма тепло. Теперь Ли Жуй вдали, не знаю, как она к нему, но ко мне проявляла ещё больше заботы, чем прежде.

Принцесса Цинхэ — из знатного материнского рода, к тому же младшая сестра отца. Раньше мы ладили, но в последнее время, реже бывая во дворце, немного отдалились друг от друга. Однако, услышав о моей болезни, она сразу же навестила, оставила множество подарков — те самые, что и собиралась принести, — значит, чувства ещё живы.

Остальные особой близости со мной не питали, просто, видя мою приближённость, нанесли визит из вежливости — тоже понятно.

Лишь принцесса Синьянь... Помнится, вчера она во дворце была, по какому поводу — не припоминаю, лишь смутно слышала чей-то разговор. Но раз уж она в покоях находилась, почему же не навестила и даже посланника не прислала? С учётом наших прежних тёплых отношений тётки и племянницы — весьма необычно. Может, я ошибаюсь?

Задумавшись, спросила у Сяньсянь:

— Тётя Синьянь вчера во дворец приезжала?

Та, завязывая мой пояс, ответила:

— Принцесса Синьянь прибыла вместе с принцессой Цинхэ. Потом принцесса Цинхэ отправилась к вам, а принцесса Синьянь уехала первой. — Заметив, что я нахмурилась, добавила:

— Чжоу-гогун строит новую усадьбу и захватил часть загородных владений принцессы Синьянь. Видимо, вчера она явилась во дворец жаловаться императрице.

Я приподняла бровь, взглянула на неё, затем на окружающих служанок. Все были те, кого я привезла из дома, — чужих из дворца Шанъян не было. Сяньсянь поняла мой взгляд, склонилась:

— Принцесса Синьянь с самого приезда говорила об этом, не таясь. В Чертоге Сбора Бессмертных и Зале Долголетия все уже в курсе, стоит лишь порасспросить.

Действительно, сметливая. Не зря я её выдвинула. Улыбнулась ей, спросила:

— А чем кончилось, знаешь?

Тут Сяньсянь замялась. Я отослала остальных служанок, и она сказала:

— Не смела выпрашивать подробно. Знаю лишь, что принцесса Синьянь вышла ещё более разгневанной. Принцесса Цинхэ уговаривала её несколько слов, еле успокоила. А услышав, что вы заболели, та лишь усмехнулась и ушла.

Я кивнула, захотелось её наградить, но при себе ничего не было, кроме того мешочка. Сказала:

— Когда вернёмся домой, сама вспомни — получишь сто шёлковых отрезов.

На лице Сяньсянь вспыхнула радость, она поклонилась до земли, но лишних слов не произнесла. Мне нравилась её сдержанность, потому оставила её прислуживать в покоях. Умывшись и позавтракав, велела приготовить бумагу и кисть, написала благодарственное послание и отослала Ли Даню. Вскоре явилась женщина-чиновник от матушки спросить:

— Как себя чувствует Эрнян сегодня? Кушала ли? Во сколько поднялась?

<http://bllate.org/book/16278/1467181>